

КРИЗИС В ПСИХОЛОГИИ ИЛИ КРИЗИС ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИЙСКИХ ПСИХОЛОГОВ?

© 2015 г. А. М. Двойнин

*Кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии образования Института педагогики и психологии образования ГБОУ ВПО МГПУ, Москва;
e-mail: alexdvoinin@mail.ru*

Излагается авторское видение проблемы кризиса в современной психологии. Ставится под сомнение распространенная в среде российских психологов оценка состояния мировой психологии как кризисного. Цель работы – установить, соответствует ли реальности данная оценка или она выражает собственные переживания отечественного психологического сообщества? На основе анализа различий в методологических дискуссиях о кризисе, идущих в отечественной и зарубежной психологии, автор с социокультурной и психологической позиций раскрывает причины и факторы переживания кризиса российскими психологами. Делается вывод о том, что за констатацией кризиса в психологической науке скрывается кризис идентичности отечественных психологов. Автор полагает, что мировая психология не находится во внутринаучном кризисе. При этом утверждает, что психология как культурная деятельность определенных научных сообществ втянута в глобальные культурные и цивилизационные процессы, которые характеризуются в настоящее время как кризисные. Высказывается предположение о том, что младшее поколение российских ученых менее подвержено переживанию кризиса идентичности, чем старшее. Автор видит в качестве важного условия преодоления кризиса идентичности содержательный диалог старшего и младшего поколений отечественных психологов о методологических проблемах психологии.

Ключевые слова: кризис в психологии, кризис идентичности, российские психологи, методологические дискуссии, отечественная психология, зарубежная психология.

КРИЗИС В ПСИХОЛОГИИ СЕГОДНЯ – РЕАЛЬНОСТЬ ИЛИ ФАНТОМ? (ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ)

*Да – был ли мальчик-то,
может, мальчика-то и не было?
М. Горький “Жизнь Клима Самгина”*

Если посмотреть на состояние психологии, как его описывают современные российские методологи, то общий “диагноз”, который при этом вырисовывается – *кризис психологической науки*. В отечественных методологических дискуссиях последних 20 лет тема кризиса, выйдя на передний план, продолжает оставаться стержневой и постоянно обсуждается на страницах научных изданий. Указываются разные симптомы кризиса: разрыв психологической теории и практики, отсутствие единой объяснительной модели психической реальности и методологический “беспредель”, легализация парапсихологии и проникновение в науку псевдонаучных знаний и многое другое [9, 16, 26, 37, 46, 48, 50 и др.]. При этом от-

мечается, что кризис затрагивает не одну из сторон психологии, а носит системный характер [49, 50]. В.А. Мазилев выделяет три уровня психологического кризиса: 1) кризис роста (связанный с естественным развитием науки); 2) кризис статуса (определяется флуктуациями между естественно-научной и герменевтической методологией); 3) кризис коммуникации (связан с неадекватной трактовкой предмета психологии) [27].

Многие психологи в попытках охватить действительные масштабы кризиса идут дальше и предлагают смотреть на состояние психологии шире: в русле общенаучных тенденций, обозначившихся к концу XX – началу XXI века. Выясняется, что кризис общенаучен и связан с переоценкой идеалов научного знания, влиянием постмодернизма, появлением так называемой постнеклассической рациональности, в том числе в гуманитарных науках [2, 4, 13, 21, 31]. Многочисленные критические сентенции психологов нередко “приправляются” утверждениями о том, что психология находится в кризисе перманентно [6, 28, 36, 46, 50].

Справедливости ради надо сказать, что не все отечественные ученые воспринимают состояние психологии как остро кризисное. Так, В.Л. Данилова указывает, что раздробленность мировой психологии имеет давнюю историю, а потому сейчас назвать эту ситуацию кризисной вряд ли возможно [15]. В.Е. Ключко полагает, что если развитие психологического знания представить в виде закономерной смены парадигм, то тогда нет никакого разрыва «между прошлым, настоящим и будущим науки, субъективное ощущение которого столь упорно преследует психологов, убеждая их в существовании “перманентного кризиса” науки» [19, с. 166]. М.С. Гусельцева пришла к выводу о том, что “в кризисе находится не психологическое знание, а позитивистское (упрощенное и унифицированное) представление о развитии человека и его внутреннем мире” [14, с. 23]. А по некоторым линиям своего развития, например, что касается многообразия психологической литературы и количества проводимых исследований, психология, несомненно, переживает ренессанс. Но даже такой весьма сдержанный оптимизм в постановке “диагноза” современной психологической науке вызывает возмущение некоторых психологов: “Да какой там ренессанс?! Временами кажется, что не осталось науки как таковой” [44, с. 74].

Констатировать в психологии кризис – дело настолько неблагодарное, насколько неоригинальное. В первой трети XX века известные ученые Н.Н. Ланге [24], К. Бюлер [56], К. Левин [63], Л.С. Выготский [10], Х. Дриш (*H. Driesch*) [58] и др. по-разному пытались отразить кризисные явления в психологической науке. А первые специальные работы по кризису, принадлежащие швейцарскому философу и психологу Р. Уилли (*R. Willy*) [76] и русскому ученому, работавшему во Франции, Н. Костылеву [62], появились еще задолго до аналитических работ вышеупомянутых ученых.

Затем долгие годы отечественные психологи осмысливали и оценивали положение дел в психологии, используя метафору кризиса. Например, в 1975 году А.Н. Леонтьев писал: “Вот уже почти столетие, как мировая психология развивается в условиях кризиса ее методологии. Расколовшись в свое время на гуманитарную и естественнонаучную, описательную и объяснительную, система психологических знаний дает все новые и новые трещины, в которых кажется исчезающим сам предмет психологии” [25, с. 3].

Часто отечественные ученые для характеристики кризисного состояния психологии исполь-

зовали данное Н.Н. Ланге в 1914 году сравнение ее с Приамом, сидящим на развалинах Трои [24]. Образ запоминающийся, но немного неточный. Ведь в то время у психологии не было никакого внешнего врага вроде царя Микен Агамемнона, развалившего “здание” прежней эмпирической психологии. Если же мы охватим взором нынешние горизонты психологического знания, то увидим, что урбанистический пейзаж психологической Трои XXI века несколько иной, чем был во времена нашего уважаемого коллеги-соотечественника: современный Приам сидит уже не просто среди развалин; на этих развалинах старых идей высятся небоскребы научных направлений и школ, в каждом из которых готовят уже не только “эkleктическую похлебку”, как выразился однажды А.Н. Леонтьев [25], а весьма разнообразный набор “блюдов” из теоретических конструктов и методических разработок различной степени цельности. Если принять данный мысленный образ, то что же отечественная психологическая общественность предлагает для выхода психологии из кризиса? Навести “переходы”, “мосты” между небоскребами, как предлагает А.В. Юрвич с доктриной “методологического либерализма” [50]? Этот подход по сути легитимизирует нынешнее состояние психологии и предполагает создание связующих звеньев между разными уровнями детерминациями психического, различными направлениями психологии. Может быть, следует снабдить дома “локальной интернет-связью”, за что выступают Т.В. Зеленкова с “сетевой парадигмой психологии” [17] и М.С. Гусельцева с постнеклассической наукой сетевого типа [12]? В данном случае сетевой подход к организации психологического знания означает отказ от постулирования в нем фундаментальных элементов, иерархии и описание компонентов системы через отношения между ними с акцентом на их взаимодействии и взаимозависимости. Или надо все здания перестроить в один большой дом, как считают сторонники интегративной методологии и интегративной психологии? Так, В.А. Мазилев предлагает разработать конкретную модель соотношения психологических концепций в рамках коммуникативной методологии [28]. А.Н. Кричевец призывает к построению многоэтажного психологического “здания” с различными стандартами организации знания на разных его уровнях [22]. По мнению А.А. Пископеля, интеграция должна осуществляться как самоорганизация всей “сферы психологии”, включающей науку и практику, профессиональную коммуникацию, образцы мыследеятельности и др. [35]. И.Е. Гарбер в качестве способа интеграции рассматривает

создание метапсихологии – психологической дисциплины с единым теоретическим метаязыком, изучающей научную психологию [11].

Но, возможно, выход заключается в том, чтобы провозгласить “парадигмальную толерантность” и “методологический плюрализм” и, тем самым, разрешить каждому жить по своему уставу? С.Д. Смирнов утверждает, что полипарадигмальность психологии неизбежна, ведь каждая психологическая теория конституирует свой предмет и метод, а прийти к единой парадигме можно только при разработке универсального метода, что представляется утопичным [38]. Плюрализм парадигмальных установок, по В.С. Степину, – это естественное состояние науки на постнеклассическом этапе [42, 43]. Безусловно, такой вариант “методологической амнистии” позволил бы сгладить неприятие разными психологическими направлениями друг друга и уменьшить градус напряженности научных баталий.

Есть и другие проекты “выздоровления” психологии. В.М. Аллахвердов считает, что противоречащие друг другу теории (бихевиоризм, психоанализ, когнитивизм и др.) не могут быть одновременно истинными. Ученый выступает против всякой теоретической анархии, методологического плюрализма, а также эмпиризма, захватившего психологическую науку. Выход В.М. Аллахвердов видит в построении логически непротиворечивых теорий, которые обязательно должны проверяться эмпирически при строгом соблюдении определенных методологических принципов (“правил игры в науку”), например: необходимо фиксировать алгоритм обработки данных до их получения, дифференцированно маркировать в научном тексте заведомо очевидные, а также неожиданные факты и т.п. [4, 5].

Позиции методологического монизма придерживается Е.Е. Соколова, которая выдвигает в качестве основания для интеграции психологии законы диалектики. По мысли автора, диалектический синтез концепций позволит преодолеть методологическую эклектику, которую несет постмодернизм с его равнозначностью самых разных идей и теорий. В качестве способа реализации диалектического синтеза Е.Е. Соколова видит культурно-деятельностный подход [39–41].

Также отечественными учеными предлагаются более частные проекты выхода психологии из кризиса с использованием отдельных методологических принципов или парадигм, например, на основе принципа субъекта [1], этнофункциональной парадигмы [45] и др.

Однако при всей привычности российского психолога к метафоре кризиса применительно к характеристике состояния психологии нельзя игнорировать связанные с ней *противоречия*.

Во-первых, в советскую эпоху оценки отечественными психологами кризисного состояния мировой психологии относились, по сути, к зарубежной психологии – “идеалистической”, “эклектичной”, “заблуждающейся” в вопросах природы психики и человека. При этом противопоставление ей советской психологии: материалистической, строящейся на едином фундаменте марксистско-ленинской философии и соответствующей методологии – давало отечественным психологам в их реальной деятельности впечатление идейной стройности, цельности и общности. “Всплеск” критических диагнозов, ставящихся отечественными учеными психологии, примерно совпадает с социально-историческими трансформациями в нашей стране в 1990-е годы¹.

Во-вторых, несмотря на предлагаемые российскими психологами варианты решений кризиса в психологии, достичь договоренностей в методологических вопросах и значимо продвинуться в воплощении выдвинутых идей даже в рамках отечественной психологии пока не получается.

В-третьих, с позиции системного подхода, кризис есть острое (а не хроническое) состояние любой системы, которое делает невозможным ее дальнейшее развитие без радикальных внутренних качественных преобразований (или преобразований внешних связей) и угрожает системе или ее частям распадом. Правомерно ли при этом утверждать, что психология находится в кризисе *перманентно*? И можно ли сказать, что ей угрожает *распад*, при всей нерелевантности ее отдельных частей?

Эти противоречия заставляют задаться вопросом: соответствует ли реальности диагноз кризиса психологии, ставящийся российскими психологами, или он выражает собственные ощущения отечественного психологического сообщества? Ответ на этот вопрос является *целью* настоящей статьи.

Разбираться в данной проблеме можно с разных позиций. Одна из них – *методологическая*. Как правило, проводимый в таких случаях анализ имеет своим предметом состояние когнитивной структуры психологии, логику построения и динамику развития научно-психологических

¹ Как верно заметил В.М. Аллахвердов, “в нашем отечестве в постсоветский период обсуждение кризиса в психологии даже стало модным” [6, с. 62]

знаний. При этом психологическая наука рассматривается отстраненно, без учета ее реальных жизненных условий: личностных, социокультурных, социально-исторических и т.п., а сама аналитическая работа проводится с точки зрения закономерностей становления научного знания, принципов и способов познания.

Другая позиция – *социокультурная*, которая предполагает рассмотрение психологии как феномена культуры (в единстве исследовательской, практической и образовательной сторон). Данная позиция позволяет увидеть психологию как познавательную деятельность психолога с его культурным типом мышления и общекультурным бэкграундом, деятельность конкретного научного сообщества. Ее можно понять, рассмотрев в конкретных социально-исторических условиях, в которых она протекает и которые существенно определяют ее характер и результат².

Третья позиция – *психологическая*, с которой психологическая деятельность видится как внешняя форма внутренней активности психолога (сообщества психологов), воплощающая его потребности, мысли, эмоции, смыслы, установки и обусловленная ими. Психологическое знание трактуется как объективированный продукт субъективных представлений и переживаний ученого в абстракции от внутринаучных и социокультурных детерминант.

Данная работа выполнена с социокультурной позиции, поскольку именно эта позиция, как представляется, способна вывести психологов с уровня многолетних методологических дискуссий на уровень стратегического самоопределения в мировом культурном пространстве. Также в работе присутствует психологическая позиция, которая позволяет оценить, насколько содержание дискуссий о кризисе отражает внутреннее состояние отечественных исследователей и каковы причины, его обусловившие.

ЗАРУБЕЖНАЯ ПСИХОЛОГИЯ: ДИСКУССИИ О КРИЗИСЕ

Дискуссии о кризисе, ведущиеся в зарубежной психологии, существенно отличаются от отечественных. Во-первых, интенсивность, с которой в отечественной психологии обсуждается проблема кризиса, значительно выше, чем в англоязычной психологии, где вопросы методологии сейчас

явно не стоят во главе угла. Во-вторых, они лишены той остроты и эмоциональности, которые характерны для отечественных дискуссий. В-третьих, в отличие от почти единодушных оценок состояния психологии как кризисного, даваемых российскими психологами, оценки иностранных коллег более вариативны и не столь однозначны.

Анализ работ зарубежных психологов показывает, что основные обсуждения общего кризиса в психологии идут по линии “единство–разобщенность” психологической науки. Основным индикатором кризиса, по мнению ученых, разделяющих данный диагноз, является *фрагментация и отсутствие единства* теорий, методологии, терминологии и т.п. [54, 60, 65, 71–74, 77 и др.]. Сам кризис есть результат “сверхразвития” [54], “неверного направления” развития психологии [70]. Ряд исследователей считают, что психология – заложница социокультурного кризиса, заключающегося во фрагментации человеческого общества, культуры в целом [59, 70].

По мнению некоторых зарубежных ученых, с точки зрения объема активности психологов, распространенности психологии в социальных сферах, профессионального статуса, количества публикаций, психология продуктивна и успешна, однако находится в кризисном состоянии в том, что касается качества психологической деятельности, связи науки с решением жизненных задач [54, 68]. К. Зальцингер (*K. Salzinger*) пишет о том, что если в психологии и есть кризис, то он заключается в переориентации психологов с занятий реальной наукой в плоскость организационной активности: увеличения количества публикаций, заработной платы, поиска грантов и т.п. [69].

Некоторые ученые обращают внимание на то, что сам термин “кризис” применительно к состоянию современной психологии не совсем удачен, так как означает острое состояние, а понятие “хронический кризис”, по сути, – оксюморон [59, 60, 67]. Д.К. О’Коннелл, несмотря на ряд проблемных аспектов современной психологии, считает диагноз кризиса антиисторическим, характеризуя нынешнее состояние психологии как “недомогание” (*malaise*) [67].

Исследователи Дж.Г. Бауэр (*G.H. Bower*) [55], Р.А. Диксон (*R.A. Dixon*) [57], Р. Дж. Келли (*R.J. Kelly*) [61], У. Найссер (*U. Neisser*) [66], Т. Зиттен с соавт. (*T. Zittoun et al.*) [79] полагают, что фрагментация психологии есть ее здоровая дифференциация в процессе развития. Ощущения кризиса нет, а сама психология самодостаточна, социально отзывчива и находится в расцвете [64, 73, 75]. Г.Е. Грубер, С.Л. Грубер прямо гово-

² Сходное разделение исследовательских позиций в саморефлексии науки – методологической и социологической – проводит А.В. Юревич [См. в: 52].

рят: «Существует ли кризис внутри психологии? В стагнации ли она? Изолирована? Агонизирует? В целом, наш ответ – “нет”» [59, с. 348].

Мы согласны с Т. Зиттен с соавт., что психологи из определенного научного сообщества ощущают “кризис”, когда другие исследователи не считают их теоретические основы фундаментальными, когда их теоретический инструментарий не достаточен для решения актуальных проблем и когда они не способны коммуницировать и координировать свою активность с исследователями других направлений [79]. Примечательно, что авторы возражают А.В. Юревичу [78], предложившему рассматривать в качестве симптома кризиса фрагментацию психологии в трех измерениях: “по вертикали” – между направлениями психологии, “по горизонтали” – между естественно-научной и гуманитарной психологией и “по диагонали” – между исследовательской и практической психологией. Авторы называют данный анализ элегантным, но больше связанным с выбором метафоры, нежели с самим предметным полем психологии. Схема фрагментации через три заявленных измерения есть статичное описание, несущее надежду на одно общее решение через построение единой гранд-теории, надежду, которая, в конечном счете, утопична, ибо основана на неоправданной идеализации единства естественных наук. Авторы вопрошают: если фрагментация – болезнь, то каково здоровое состояние психологии? А может быть, фрагментация – это просто неадекватное восприятие сосуществования разных феноменов: от нейропсихологических до идеологических? Они отмечают, что не существует *a priori* общей иерархии науки как целого – всеобъемлющей системы, которая бы координировала все составные части; нет мировой психологической ассоциации, достаточно широкой, чтобы координировать и реорганизовывать все виды деятельности научных сообществ в составе общего целого. Если посмотреть на динамику развития психологического знания, то его фрагментация есть естественный для развития процесс *дифференциации* целого, что есть показатель *прогресса* психологии. А преодоление негативных явлений, лежащих в плоскости коммуникации и координации деятельности ученых, необходимо решать через сотрудничество в совместных исследованиях, а не через поиск единственного решения [79].

Таким образом, зарубежные психологи не настолько единодушны в оценке состояния современной психологии. Поэтому можно предположить, что острые дискуссии современных российских психологов о состоянии, конечных

целях и путях развития психологии не случайны – за констатациями кризиса в психологии отечественными учеными стоят социокультурные причины и внутренние переживания самого российского научного сообщества.

КРИЗИС В ПСИХОЛОГИИ ИЛИ ВНУТРИ НАС САМИХ?

*Разруха не в клозетах, а в головах.
М. Булгаков “Собачье сердце”*

Возможно, калейдоскопичность психологических подходов и школ, синкретические “склейки” разнородных научных (и псевдонаучных) идей и концепций в отечественной психологической науке, практике и образовании, методологический плюрализм – все это воспринимается как неслыханный хаос, вызывающий вполне естественное *переживание кризиса* у большей части российского психологического сообщества.

Среди *причин переживания кризиса* у отечественных психологов можно выделить следующие³:

1. *Утрата большим количеством российских ученых веры в марксизм как в “единственно правильное” учение о природе человека и общества и, как следствие, прогрессирующая идейная дифференциация психологического сообщества.* В эпоху советской психологии миф о “единственно верном” объективном научно-психологическом подходе давал ощущение цельности и определенности ученым в процессе строительства здания психологической науки. С развенчанием этого мифа и появлением теоретической неопределенности и плюрализма российское научное сообщество погрузилось в глубокую фрустрацию⁴. “Именно утрата веры в универсальные схемы развития как в истории, так и в психологии интерпретировалась, переживалась в качестве кризиса науки”, – пишет М.С. Гусельцева [14, с. 23]. Поэтому факт всплеска методологических дискуссий и критических диагнозов, которые в них ставятся психологии – не просто проявление тоски по единой общепсихологической теории (о чем пишет В.М. Аллахвердов [3]), а *закономерное следствие утраты научным сообществом единых ценностно-смысловых ориентиров* в

³ В статье предлагается перечень наиболее значимых, по нашему мнению, причин, однако данный список далеко не полон.

⁴ В.П. Зинченко назвал произошедшее даже не кризисом, а “катастрофой” [18].

своей культурной практике. Прав П.А. Мясоед, заметивший, что обсуждаемые российскими учеными разные методологические проекты выхода из кризиса – это реакции “на ситуацию, сложившуюся в отечественной психологии после разрыва с марксизмом” [33, с. 3].

Сами дискуссии есть следствие *рефлексивных переживаний*, в которых психологи ищут и порождают новые значения и смыслы психологической деятельности. Поэтому неудивительна яркая эмоциональная окрашенность научных споров, “методологические эмоции”, как их назвал А.В. Юревич: “эпистемологический оптимизм и пессимизм” [50], а также “грустный оптимистический взгляд на психологическую науку” в статье с одноименным названием [5], категоричный тон публикаций (см., напр.: [44]) и т.п.

2. *Сохранение однопарадигмального мышления отечественных психологов в условиях реальной полипарадигмальности науки.* Научное мышление инертно по отношению к резко изменившимся в конце XX века социально-историческим условиям в нашей стране. Усвоенные от учителей – классиков советской психологии – способы научного мышления, наработанные шаблоны постановки и решения проблем, привычка мыслить в категориях одной парадигмы до сих пор в неявной форме проявляются в стремлении найти “однозначно правильный” способ решения той или иной научной проблемы, в попытках создать “общую” теорию, вбирающую в себя все остальные, задать “единое” понимание того или иного феномена. В данном случае имеется в виду не преобладание сознательных методологических монистов среди отечественных ученых-теоретиков, а сохранившуюся у российских психологов (на уровне профессиональной практики) привычку (часто неосознанную) к поиску универсального объяснения психологических фактов и восприятию других теорий и подходов в психологии как заведомо “ошибочных”.

3. *Обнажение интернальных и экстернальных проблем отечественной психологии.* Интернальные проблемы российской психологии известны: это и засилье эмпиризма, методологический эклектизм, сохраняющийся значительный разрыв между теорией и практикой и др. Нельзя не отметить и обсуждающиеся в настоящее время проблемы развития фундаментальных теорий – отражения, деятельности, культурно-исторической и др. Психологи, критикуя “психологию психики” и функционализм, на деле в учебниках продолжают описывать тот же набор психических функций: от ощущения и восприятия до мышления и

речи. Не продуктивна и сохраняющаяся у многих отечественных ученых привычка “держаться” за классиков нашей психологии в тех вопросах, в которых мировая психологическая мысль шагнула далеко вперед.

Интересно, что еще в 1988 году А.А. Бодалев и В.В. Столин в статье “О перестройке в психологии” выступили с критикой догматического и схоластического использования “в качестве единственных ориентиров слабоконкретизированных концепций, получивших громкие названия теорий: отношений, установки, деятельности” [8, с. 19]. Авторы справедливо отметили, что постоянное цитирование и воспроизводство одних и тех же абстрактных постулатов этих концепций затормозили развитие заложенных в них продуктивных идей.

Экстернальные проблемы российской психологии также известны: это приход рыночных отношений в науку и как следствие на фоне общесоциального монетократического культа – нивелирование ценностей науки и познания как таковых, слабость финансирования науки и возрастное “старение” ученых. Ученые отмечают и засилье лженаучных знаний [51], и падение качества научных исследований и диссертаций [47].

Рыночные отношения в науку приходят тогда, когда финансовая перспективность часто становится определяющим фактором в решении вопроса о выполнении тех или иных научных проектов, открытии или закрытии научных центров, институтов и т.п. Общероссийская погоня за материальной выгодой и сформировавшаяся в последние десятилетия привычка органов государственного управления мерить общественные процессы экономическими категориями (например, образование – сфера услуг и т.п.) провоцируют ученых на экономические “правила игры” в науке: необходимо создать приемлемый научный “продукт” (трендовые идеи, не столько глубокие, сколько новые и достаточно “попсовые”, чтобы быть понятными большинству и укладываться в “мейнстрим”), затем продать его (через образовательные курсы, различные научные и квазинаучные бизнес-проекты и т.п.) с тем, чтобы получить материальную выгоду. Таким образом, научные идеи конвертируются либо в деньги, либо в “имя” ученого, которое затем конвертируется в деньги. Исследователь, занимающийся наукой ради науки без оглядки на финансовую привлекательность и прибыльность своего научного проекта, в настоящее время естественным образом остается за бортом общественной жизни науки, нередко воспринимается со стороны более успешных в фи-

нансовом отношении коллег как дезадаптированный к современным условиям реликт. Не секрет, что и публикации, и диссертации, и наукометрические показатели стали в настоящее время предметом купли-продажи.

Выделим и **факторы, которые усиливают переживание кризиса психологии** у российских психологов.

1. *Коммуникационная изоляция отечественной психологии от зарубежной.* Реальная ситуация с научной коммуникацией представляется весьма сложной, и здесь мы вынуждены ее несколько упростить, чтобы подчеркнуть основную мысль статьи. Казалось бы, с поднятием “железного занавеса” в конце 1980-х годов рухнули все преграды для коммуникации между отечественными и зарубежными учеными: открыты возможности для совместных научных проектов, публикаций, участия в научных мероприятиях и пр. Некоторые полагают, что российская психология сейчас активно интегрируется в мировую. Однако на деле мы до сих пор остаемся в серьезной изоляции (за исключением лишь некоторых направлений исследований) и “варимся в собственном соку”. И.А. Мироненко, рассматривая “глобалистские” (интеграционные) и “контрглобалистские” (изоляционистские) тенденции в отечественной науке, отмечает усиление последних [30]. За рубежом нас, современных российских психологов, практически никто не знает. Да и познания классиков отечественной психологии у зарубежных коллег ограничены, что обусловлено не их невежеством, а отсутствием доступных источников информации – публикаций отечественных работ на иностранных языках. Ввиду этого весьма спорным выглядит утверждение А.В. Юревича, что «наша скрытая за “железным занавесом” и развивавшаяся в относительной изоляции от мирового мейнстрима психологическая наука была лучше известна и выше ценилась на Западе, нежели нынешняя, широко “открывшаяся” ему» [53, с. 6]. На самом деле, наша нынешняя психология Западу не открылась, а потому и ценить ему особо нечего.

Об отсутствии реальной научной коммуникации говорит и факт мизерного количества публикаций российских психологов в зарубежных журналах. В огромных массивах журналов по психологии, издаваемых такими издательствами-гигантами, как *Elsevier, Springer, SAGE, Taylor & Francis, Wiley-Blackwell, Oxford University Press, Cambridge University Press* и др., найти статьи российских авторов – редкая удача. А ведь эти издательства издают десятки, сотни психологических журналов, как фундаментальных, так и

узкоспециализированных! Отечественные журналы (кроме ведущих) не входят в базы данных цитирования *Web of Knowledge, Web of Science* и *Scopus*, остаются практически недостижимыми для зарубежных ученых.

Среди научных работ российских психологов нередко встречаются и такие, в которых нет обзора “свежих” иностранных публикаций по исследуемой автором проблеме. Авторы обсуждают работы зарубежных психологов более чем полувековой давности. Споры с З. Фрейдом, А. Маслоу, Г. Олпортом, конечно, хороши и по-своему полезны для упражнения в красноречии и логике, но они запоздали лет на 60–80. Членство в международных профессиональных ассоциациях (не домашнего “разлива”), участие наших ученых в зарубежных конгрессах и конференциях, чтение лекций в иностранных университетах, участие в совместных международных проектах, психологическое образование, стажировки за рубежом – это реальность для некоторых представителей российской психологической элиты, а также для ученых, работающих вблизи известных научных центров, но не норма для основной части наших психологов, чья профессиональная деятельность разворачивается в “рядовых” институтах и учреждениях. Отечественные психологические школы, за небольшим исключением, не контактируют с представителями зарубежных научных направлений, слабо представлены в международных экспертных сообществах.

Среди значимых причин коммуникативной изоляции российской психологии можно назвать:

- языковой барьер (знание иностранных языков российскими психологами находится на низком уровне, что значительно затрудняет обмен научной информацией);

- специфика организации и функционирования нашей науки (российская наука сохраняет преимущественно ведомственную организацию с соответствующей системой планирования и финансирования, а не является самоорганизующейся системой, финансируемой за счет грантов и бизнес-проектов);

- управленческая политика в области отечественной науки (отсутствие ощутимых стимулов для российского ученого-психолога к зарубежной активности, недостаточное привлечение в научные и образовательные центры иностранных специалистов и др.).

2. *Сохраняющиеся в российском психологическом сообществе полярные гетеростереотипы в отношении зарубежной психологии.* В силу из-

вестных политико-идеологических причин, требовавших от ученых исключительно критических оценок достижений зарубежной психологии, и в силу реальных идейных расхождений с ней марксистской психологии, отношение к западной науке выстроилось как оппозиционное. Безусловно, критика отечественными исследователями постулатов зарубежных направлений психологии нередко была справедлива и оправдана исключительно внутринаучными причинами. А при общих критических оценках многие наши талантливые психологи высоко ценили и брали на вооружение некоторые достижения своих западных коллег, идя на определенные уловки вроде эзопова языка в своих текстах.

Тем не менее, критика зарубежной психологии часто носила формальный, поверхностный, а иногда и тенденциозный характер, в основе которого лежало простое непонимание сути обсуждаемой чужой идеи или терминологические различия, которые искусственно “раздувались” в теоретическое противостояние на уровне идей. Зарубежная психология порицалась за “механицизм”, “эклектизм”, “идеализм”, “редукционизм”, “солипсизм”, “эмпиризм” и обвинялась во многих грехах, на фоне чего достижения отечественной науки выглядели более рельефно.

К пониманию этого явного “перегиба” некоторые отечественные психологи пришли еще в 1980-х годах, обратив внимание на низкий уровень международной научной кооперации, а также бесконечную методологическую борьбу советских ученых с зарубежными направлениями начала XX века при догматическом воспроизводстве абстрактных постулатов марксистской психологии [8]. Как признаются авторы, не последнюю роль здесь сыграло “настойчиво пропагандируемое многими из нас заблуждение: советская психология является передовой уже потому, что она советская” [8, с. 25].

Несмотря на то что сейчас старые эпитеты в отношении зарубежной психологии как “капиталистической”, “буржуазной”, “ложной”, “классовой”, “чуждой”, “враждебной” ушли в прошлое, на уровне обыденного сознания отечественных психологов стереотипы о том, что наша психология “правильнее”, “лучше”, “научнее” и т.п. работают до сих пор. Проявляются эти стереотипы в принижении значимости достижений зарубежных коллег, например, через дискредитацию теоретических основ их исследований или через чисто терминологические аргументы – когда спор о понятиях подменяется неприятием и критикой терминологии. Так, например, критика

в отечественной психологической науке понятия “самость” (*self*) в определенной мере обусловлена непониманием исходной смысловой нагрузки данного понятия. С.С. Кургинян отмечает, что в связи с некорректным переводом ряда понятий, заимствованных из зарубежных психологических теорий, на нормативный язык отечественной психологии⁵, методологический статус понятия “самость” в отечественной психологической науке остается на уровне гипотетической сущности и сводится по своему содержанию к таким психологическим категориям, как внутренняя активность, интегральная целостность, идентичность, индивидуальность [23].

И, кстати, традиция выстраивать в научной работе теоретический обзор проблемы по принципу “исследования в зарубежной психологии – исследования в отечественной психологии” жива до сих пор. В большом количестве диссертаций и статей не “топового” уровня присутствует так называемая “шаблонная” критика зарубежных концепций: психоаналитических, бихевиористских, когнитивистских, гуманистических и т.п. Как правило, подобная “дискуссия” ведется с отцами-основателями данных направлений (со ссылками на работы 70–100-летней давности). Причем отрицание дискуссионной методологии данных подходов автоматически ведет (в его собственной логике) к отрицанию им последующих наработок в рамках данных направлений. Затем автор подобного обзора переходит к изложению отечественных концепций как “правильных” и к подчеркиванию значимости вклада отечественных психологов.

Описанные негативные стереотипы образуют только один полюс континуума тех разнообразных установок в отношении зарубежной психологии, которые бытуют в отечественном психологическом сообществе. На другом полюсе сосредоточены стереотипы о том, что зарубежная психология с ее богатыми практическими и прикладными наработками оставила далеко позади теоретизирующую вокруг устаревших догм отечественную науку. Сейчас, когда на российском книжном рынке присутствуют массивы переводной иностранной литературы, а зарубежные коллеги охотно делятся навыками практической психологической работы, многие наши психологи впадают в некритичное заимствование достижений иностранных коллег, рассматривая отечественную психологию как пережиток прошлого. И если представители исследовательской психоло-

⁵ Например, “*Self-Concept*” неправильно переводится как “Я-концепция”.

логии в этом континууме “располагаются” ближе к полюсу негативных стереотипов, то психологи-практики “тяготеют” к полюсу противоположному.

Неудивительно, что обозначенные полярные гетеростереотипы по отношению к зарубежной психологии, свидетельствующие о высокой диффузности российского психологического сообщества в идейном плане, катализируют кризисные ощущения.

3. *Преимущественный теоретический тип мышления российских психологов.* Известно, что одной из сильных сторон отечественной психологии советского периода была стройность, “прозрачность” методологической и теоретической базы. Сложившиеся научные традиции и специфика психологического образования в нашей стране, долгие годы носившего фундаментальный характер, привели к формированию в профессиональной ментальности российского психолога теоретического типа мышления с высоким уровнем абстракции. Стремление выразить знание в “максимально абстрактных и бесспорных формулировках”, как заметили А.А. Бодалев и В.В. Столин [8, с. 17], нередко приводит к тому, что исследование психической реальности подменяется обсуждением категорий и принципов психологической науки. Чувствительность к противоречиям, задаваемая теоретическим типом мышления, при столкновении отечественных ученых с валом зарубежных концепций и психологических практик после падения “железного занавеса” однозначно усилила ощущение кризиса в психологии.

4. *Объективно существующий разрыв между “строением” отечественной и зарубежной психологии.* Помимо субъективного разделения отечественной и зарубежной психологии, существует и вполне объективный раскол между ними. Различается сама их отраслевая организация. Отечественные психологические теории в целом довольно слабо корреспондируют с зарубежными и имеют незначительные выходы к практике. Существует разница не только в научных подходах к проблемам, но и в определении самих научных проблем. Очевидно, что и категориальный строй, и понятийный аппарат отечественной психологии и зарубежной во многом принципиально различны. И несмотря на то что работа по освоению зарубежного опыта российскими исследователями все же ведется (например, в области когнитивной психологии, психологии способностей и одаренности, психофизиологии и др.), в общем, реальная взаимная интеграция пока незначительна.

Весь комплекс перечисленных выше причин и факторов, объясняющих, почему в российском психологическом сообществе муссируется тема кризиса мировой психологии, позволяет предположить, почему для зарубежной психологической общественности эта тема не является краеугольной и жизненно важной⁶.

Западная психология, весьма рано ставшая неоднородной, представляла собой ряд сосуществовавших и конкурировавших друг с другом направлений, чьи представители были далеки от мысли идейного или социального уничтожения своих конкурентов. Один из значимых принципов западного культурного типа мышления и западной культурной идентичности – принцип индивидуальной свободы – выражался в том числе и в отношениях психологических школ между собой, основанных на свободной конкуренции и возможности диалога. Другая черта западной культурной идентичности – прагматизм – нашел свой выход в поисках и создании любых эффективных методов, подходов, концепций и теорий, которые, несмотря на эклектизм или несовершенство методологической базы, тем не менее “работают”. Интересной иллюстрацией сказанному может служить оценка столпа американской психологии Г. Олпорта своей концепции как “эклектической”, где этот термин не имеет негативной коннотации, столь привычной профессиональному сознанию российского ученого. Тема кризиса в зарубежной психологии не носит остроты, отчасти и в силу того, что является традиционной, обсуждаемой на протяжении всего XX века, и в основном специалистами-теоретиками.

Практически во всех вышеупомянутых констатациях кризиса российскими психологами, по сути, подразумевается кризис *когнитивный*. А.В. Юревич так прямо и пишет: “Отечественная психология если и переживает, то в основном *когнитивный*... кризис – кризис представлений о том, как следует изучать и объяснять психическую реальность” [49, с. 3]. По-видимому, акцент

⁶ В качестве любопытного факта приведу следующую историю из собственной научной биографии. В 2010 году, читая лекции о российской психологии на психологическом факультете в одном из университетов Индонезии, автор этих строк (как носитель сознания российского психологического сообщества!) в построении своего лекционного материала отталкивался от идеи кризисного состояния мировой психологии как само собой разумеющегося. Однако, почувствовав некоторый барьер профессионального понимания, был окончательно обескуражен вопросами студентов и уважаемых профессоров, от каких позиций я отталкиваюсь, оценивая состояние современной психологии как кризисное, и на основе каких фактов делаю такие выводы.

в этой цитате должен быть сделан на словах, что отечественная психология именно *переживает*, ибо истинный центр тяжести кризиса находится не в самом психологическом знании и даже не в общенаучной сфере, а “в головах” психологов, в культурном типе их мышления, в их *идентичности*.

Другими словами, диагноз кризиса психологии, который ставится российскими учеными, не столько соответствует реальному положению дел в мировой психологии, сколько выражает переживания части нашего профессионального сообщества в связи с проблемами отечественной науки на фоне конкретно-исторических условий. Как справедливо заметили Г.Е. Грубер, С.Л. Грубер, кризис протекает не в пределах самой психологии, а в обществе, внутри нас самих [59].

Эти переживания есть проявления *кризиса идентичности российских психологов*. Данный кризис – *разрыв в культурной реальности прошлого и настоящего отечественной науки, противоречие, которое переживается как трудность, препятствующая адаптации к изменившимся социокультурным условиям профессиональной деятельности*. В самом общем виде кризис идентичности заключается в неясности представлений, кто мы, российские психологи, сегодня? С какими мировоззренческими идеями и психологическими течениями следует себя отождествлять? К каким эталонам и ценностным ориентирам в науке и практике следует стремиться? Как примирить нынешние столь разнородные идеи, конструкты, методы в своем сознании и деятельности и тем самым достичь цельности себя в профессии?

Сходная с нашей позиция высказывается И.А. Мироненко, которая считает, что кризис локализуется в российской психологии и имеет конкретно-историческую природу [29]. На общественно-исторические факторы переживания трудностей отечественной психологии указывает и В.А. Кольцова [20]. Однако существующие объективные трудности в российской психологической науке и практике не следует воспринимать через метафору кризиса, так как они не грозят психологии упадком и находятся в процессе преодоления. В свете вышесказанного вслед за многими психологами [15, 59, 67, 79 и др.] возьмем на себя смелость утверждать, что *мировая психология не находится во внутринаучном кризисе*. И, если сказать, что психология сейчас переживает расцвет, можно лишь отчасти, то сказать, что она не находится в упадке, можно однозначно. Все те негативные аспекты в психологии, которые вскрываются и отечественными, и зарубеж-

ными исследователями, не фатальны и, возможно, только подтолкнул нас к новым открытиям. У психологии есть своя “иммунная система” – формы научного мышления и традиции научного исследования – которые существуют десятками лет и успешно противостоят попыткам разрушить иррационализмом и лженаукой научную психологию.

Однако психологии следует быть осторожной, так как в современном социокультурном пространстве кризисные явления в той или иной мере проявляются. Эти явления философы отмечают как *глобальный кризис западной культуры и цивилизации*, связанный с традиционными ценностями Запада, его представлениями о мироустройстве, его реальной социальной, политической, экономической организацией и т.д. [7, 32, 34, 43 и др.]. Психология так или иначе втянута в глобальные культурные и цивилизационные процессы как культурная деятельность определенных научных сообществ, которые переживают кризис или его отсутствие в разной мере.

ЗА ПРЕДЕЛАМИ КРИЗИСА ИДЕНТИЧНОСТИ (ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ)

К сожалению, объем данной статьи не позволяет подробно обсудить пути преодоления обозначенного кризиса идентичности российских психологов. Поэтому в заключение мы хотим обратить внимание только на один, практически “не замечаемый” в научной литературе, но весьма важный аспект выхода из данного кризиса: вопрос о молодом поколении в психологии, которое может сыграть решающую роль на пути преодоления кризиса идентичности, укоренившегося в нашем профессиональном сообществе.

Такая постановка вопроса может показаться необычной, однако она имеет свое объяснение. Наверное, более остро внутренний кризис переживают представители старшего поколения психологов, чья большая часть научной деятельности прошла в созидании “советской психологии”, стоявшей на основах марксистского учения о природе человека, и вдохновлялась верой в возможность (и действительность) построения единственно правильной концепции любых психических явлений. Поэтому в методологических дискуссиях копыя ломают, как правило, уже зрелые в научном плане ученые и корифеи психологии.

Ученая молодежь, получившая психологическое образование в новое для отечественной пси-

хологии время – в конце 1990-х и в 2000-е годы, воспринимает имеющееся “хаотичное” положение дел в психологической науке и практике как само собой разумеющееся. Та психологическая среда плюрализма и конгломерата различных, иногда несопоставимых, разнородных и нередко противоречивых психологических идей, концепций, практических техник, которая пугает и фрустрирует старшее поколение психологов, для молодых исследователей с хорошим психологическим образованием – естественна. Они изначально начинали учиться “плавать” в этом океане идей, потому достаточно неплохо могут ориентироваться в общемировых научных тенденциях. Порой им чужда самоидентификация с какой-либо единственной научной школой (хотя нередко они и позиционируют себя как представители определенной школы, скорее из необходимости соблюдать правила игры, принятые в научном сообществе, нежели из собственной потребности). Они менее трепетно относятся ко многим “канонизированным” психологам-классикам, позволяют себе критиковать научные идеи мэтров – своих уважаемых и ценимых учителей, что свидетельствует не столько о низком уровне их научной культуры или желании самоутвердиться, сколько о желании найти новые продуктивные идеи, разобраться в современных научных реалиях через партнерский диалог с классиками и мэтрами. Очевидно, что молодое поколение исследователей мыслит по-другому, у него иной культурный код, другие представления о сути многих научных проблем, чем у корифеев психологии.

Не так давно Ф.Е. Василюк писал, что в качестве “героя” новой психологии он видит молодого коллегу, который в нынешних социокультурных условиях успел приобщиться к живой отечественной психологической мысли и при этом получил опыт погружения в океан западной психологической теории и практики [9]. Данный образ вполне обоснован: реальная смена поколений в отечественной психологии, по нашим предположениям, произойдет лет через 10–15. Но уже сейчас молодежь необходимо привлекать к обсуждению значимых методологических и теоретических вопросов психологии: “конструировать модели будущего нужно не только собравшимся в узком кругу пусть даже самым мудрым представителям человечества, а вместе с той молодежью, которой предстоит это будущее создавать” [3, с. 124]. Приход в эти дискуссии молодых ученых сегодня (как когда-то приход в отечественную науку в эпоху кризиса психологии начала XX века замечательной плеяды молодых исследователей, ставших впоследствии классиками советской

психологии), возможно, в будущем станет определяющим в решении многих проблем современной психологической науки. И такой значимый для нашего профессионального сообщества вопрос о кризисе в психологии также должен стать содержанием *диалога представителей разных поколений отечественных психологов*, который позволит продвинуться на пути к действительному, а не мнимому разрешению многих противоречий и вызовов, стоящих перед психологической наукой в XXI веке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абульханова К.А.* Методологический принцип субъекта: исследование жизненного пути личности // Психол. журн. 2014. Т. 35. № 2. С. 5–18.
2. *Александров И.О., Максимова Н.Е.* Заметки психологов-исследователей о позиции методолога (к статье А.В. Юревича “Психология и методология”, “Психологический журнал”, 2000, № 5) // Психол. журн. 2002. Т. 23. № 1. С. 123–131.
3. *Аллахвердов В.М.* Не пора ли нынче, братья-психологи, начать новые песни и не растекаться мыслию по древу? // Психология. Журн. Высшей школы экономики. 2004. Т. 1. № 4. С. 113–125.
4. *Аллахвердов В.М.* Блеск и нищета эмпирической психологии (на пути к методологическому манифесту петербургских психологов) // Психология. Журн. Высшей школы экономики. 2005. Т. 2. № 1. С. 44–65.
5. *Аллахвердов В.М.* Грустный оптимистический взгляд на психологическую науку // Психология. Журн. Высшей школы экономики. 2005. Т. 2. № 1. С. 130–139.
6. *Аллахвердов В.М.* От “методологического одиночия” психологов к светлому теоретическому будущему // Психология. Журн. Высшей школы экономики. 2010. Т. 7. № 4. С. 61–67.
7. *Арсеньев А.С.* Философские основания понимания личности. М.: Академия, 2001.
8. *Бодаев А.А., Столин В.В.* О перестройке в психологии // Психол. журн. 1988. Т. 9. № 3. С. 16–25.
9. *Василюк Ф.Е.* Методологический смысл психологического схизиса // Вопр. психол. 1996. № 6. С. 25–40.
10. *Выготский Л.С.* Исторический смысл психологического кризиса // Собрание сочинений: в 6 т. М.: Педагогика, 1986. Т. 1. С. 291–436.
11. *Гарбер И.Е.* Метапсихологический подход к интеграции психологии // Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2007. С. 484–502.

12. Гусельцева М.С. Постнеклассическая рациональность в культурной психологии // Психол. журн. 2005. Т. 26. № 6. С. 5–15.
13. Гусельцева М.С. Методологические кризисы и типы рациональности // Вопр. психол. 2006. № 1. С. 3–15.
14. Гусельцева М.С. Психология и история: смена типов рациональности // Вопр. психол. 2011. № 2. С. 13–24.
15. Данилова В.Л. Проблема субъекта психологического познания // Психология. Журн. Высшей школы экономики. 2010. Т. 7. № 4. С. 77–84.
16. Завершинева Е.Ю. Проблема кризиса в современной психологии: историко-методологическое исследование: Дисс. ... канд. психол. наук. М., 2004.
17. Зеленкова Т.В. О сетевой парадигме в психологии // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. Вып. 3. С. 18–28.
18. Зинченко В.П. Кризис или катастрофа? Психология и новые идеалы научности (материалы “круглого стола”) // Вопр. философии. 1993. № 5. С. 3–43.
19. Ключко В.Е. Постнеклассическая наука и проблема объяснения в психологии // Методология и история психологии. 2008. Т. 3. Вып. 1. С. 165–178.
20. Кольцова В.А. Актуальные проблемы методологии современной отечественной психологической науки // Психол. журн. 2007. Т. 28. № 2. С. 5–18.
21. Корнилова Т.В., Смирнов С.Д. Методологические основы психологии. СПб.: Питер, 2006.
22. Кричевец А.Н. Многоэтажная психология. Эскизный проект // Мир психологии. 2005. № 3 (43). С. 218–233.
23. Кургинян С.С. Проблема отношения личности к себе в психологии (от философско-психологических представлений к научной теории) // Мир психологии. 2010. № 4 (64). С. 41–53.
24. Ланге Н.Н. Психология. М.: Товарищество “Мир”, 1914.
25. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. 2-е изд. М.: Политиздат, 1977.
26. Мазиллов В.А. Методологические проблемы психологии в начале XXI века // Психол. журн. 2006. Т. 27. № 1. С. 23–34.
27. Мазиллов В.А. Проблема предмета и метода в психологии // Вопр. психол. 2007. № 1. С. 12–16.
28. Мазиллов В.А. Методология психологической науки: проблемы и перспективы // Психология. Журн. Высшей школы экономики. 2007. Т. 4. № 2. С. 3–21.
29. Мироненко И.А. Кризис психологии: перманентный и системный или локальный? // Вопр. психол. 2008. № 4. С. 119–127.
30. Мироненко И.А. Современная российская психология в контексте мировой психологической науки // Вопр. психол. 2012. № 3. С. 44–50.
31. Морозов С.М. О так называемом современном кризисе в психологии // Психол. журн. 2010. Т. 31. № 6. С. 98–106.
32. Мотрошилова Н.В. Цивилизация и варварство в эпоху глобальных кризисов. М.: Канон+, 2010.
33. Мясоед П.А. Психология в аспекте типов научной рациональности // Вопр. психол. 2004. № 6. С. 3–18.
34. Пелипенко А.А. Глобальный кризис и судьбы Запада. М.: Знание, 2014.
35. Пископтель А.А. Проблема интеграции психологии: метод и подход // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. Вып. 1. С. 37–50.
36. Поддьяков А.Н., Вальсинер Я. Выбраться из нищеты, не теряя блеска // Психология. Журн. Высшей школы экономики. 2005. Т. 2. № 1. С. 102–111.
37. Сергиенко Е.А. Законы методологии необходимы для науки // Психология. Журн. Высшей школы экономики. 2005. Т. 2. № 1. С. 112–115.
38. Смирнов С.Д. Методологический плюрализм и предмет психологии // Вопр. психол. 2005. № 4. С. 3–8.
39. Соколова Е.Е. Апология системного монизма (К проблеме путей интеграции психологической науки) // Вопр. психол. 2006. № 4. С. 15–23.
40. Соколова Е.Е. Нетерпимость толерантных (Еще раз о монизме, плюрализме и дискуссиях о методологических ориентациях психологии) // Вопр. психол. 2008. № 3. С. 138–143.
41. Соколова Е.Е. Психологи на распутье: какая методология нужна современной психологии? // Методология и история психологии. 2008. Т. 3. Вып. 3. С. 25–42.
42. Степин В.С. Теоретическое знание: Структура, историческая эволюция. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
43. Степин В.С. Философия науки. Общие проблемы. М.: Академический проект, Трикста, 2006.
44. Сурмава А.В. Психологический смысл исторического кризиса // Вопр. психол. 2004. № 6. С. 71–85.
45. Сухарев А.В. Методологический кризис в психологии – стратегия выхода // Психол. журн. 2012. Т. 33. № 1. С. 141–142.
46. Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива / Отв ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2007.
47. Фельдштейн Д.И. Психолого-педагогические диссертационные исследования в системе организации современных научных знаний // Проблемы современного образования. 2011. № 2. С. 11–27.

48. Хомская Е.Д. О методологических проблемах современной психологии // *Вопр. психол.* 1997. № 3. С. 112–125.
49. Юревич А.В. Системный кризис в психологии // *Вопр. психол.* 1999. № 2. С. 3–11.
50. Юревич А.В. Психология и методология. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2005.
51. Юревич А.В. Наука и паранаука: столкновение на “территории” психологии // *Психол. журн.* 2005. Т. 26. № 1. С. 79–94.
52. Юревич А.В. Социология психологии // *Методология и история психологии.* 2008. Т. 3. Вып. 3. С. 43–56.
53. Юревич А.В. Российская психология в мировом мейнстриме // *Вопр. психол.* 2010. № 1. С. 3–14.
54. Bakan D. The crisis in psychology // *Journ. of Social Distress and the Homeless.* 1996. Vol. 5 (4). P. 335–342.
55. Bower G.H. The fragmentation of psychology? // *American Psychologist.* 1993. Vol. 48 (8). P. 905–907.
56. Bühler K. Die Krise der Psychologie. Jena: Gustav Fischer, 1927.
57. Dixon R.A. Theoretical proliferation in psychology: A plea for sustained disunity // *The Psychological Record.* 1983. Vol. 33. P. 337–340.
58. Driesch H. The crisis in psychology. Princeton: Princeton University Press, 1925.
59. Gruber H.E., Gruber S.L. Where is the crisis in psychology? // *Journ. of Social Distress and the Homeless.* 1996. Vol. 5 (4). P. 347–352.
60. Goertzen J.R. On the possibility of unification: The reality and nature of the crisis in psychology // *Theory & Psychology.* 2008. Vol. 18 (6). P. 829–852.
61. Kelly R.J. The crisis in psychology: Trouble in the temple // *Journ. of Social Distress and the Homeless.* 1998. Vol. 7 (3). P. 211–223.
62. Kostyleff N. La crise de la psychologie expérimentale. Paris: Alcan, 1911.
63. Lewin K. The conflict between Aristotelian and Galilean modes of thought in contemporary psychology // *Journ. of General Psychology.* 1931. Vol. 5. P. 141–177.
64. McKenzie-Mohr D., Oskamp S. (Eds.) Psychology and the promotion of a sustainable future. *Journ. of Social Issues (special issue).* 1995. Vol. 51 (4). P. 1–238.
65. Mos L.P. Why we should bring about a crisis in psychology // *Journ. of Social Distress and the Homeless.* 1996. Vol. 5 (4). P. 359–368.
66. Neisser U. The unity of psychology and of persons // *International Newsletter of Uninomic Psychology.* 1995. Vol. 15. P. 6–12.
67. O’Connell D.C. Die krise der psychologie? // *Journ. of Social Distress and the Homeless.* 1996. Vol. 5 (4). P. 343–345.
68. Rieber R.W. The problem of psychological distress and the crisis in psychology // *Psychology and Developing Societies.* 2001. Vol. 13 (1). P. 105–121.
69. Salzinger K. How many discovers do we need to avoid a crisis in psychology? // *Journ. of Social Distress and the Homeless.* 1996. Vol. 5 (4). P. 353–357.
70. Sarason S.B. Psychology misdirected. New York: Free Press, 1981.
71. Staats A.W. Psychology’s crisis of disunity: Philosophy and method for a unified science. New York: Praeger, 1983.
72. Staats A.W. The disunity–unity dimension // *American Psychologist.* 2004. Vol. 59 (4). P. 273.
73. Stam H.J. Unifying psychology: Epistemological act or disciplinary maneuver? // *Journ. of Clinical Psychology.* 2004. Vol. 60 (12). P. 1259–1262.
74. Sternberg R.J. Unifying the field of psychology // *Unity in psychology: Possibility or pipedream? / R.J. Sternberg (Ed.).* Washington, DC: American Psychological Association, 2005. P. 3–14.
75. Ward S.C. Modernizing the mind: Psychological knowledge and the remaking of society. Westport, CT: Praeger, 2002.
76. Willy R. Die Krisis in der Psychologie // *Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie.* 1897. Vol. 21. Part 1. P. 79–96; Part 2. P. 227–249; Part 3. P. 332–353.
77. Yanchar S.C., Slife B.D. Pursuing unity in a fragmented psychology: Problems and prospects // *Review of General Psychology.* 1997. Vol. 1. P. 235–255.
78. Yurevich A. Cognitive frames in psychology: demarcations and ruptures // *Integrative Psychological & Behavioral Science.* 2009. Vol. 43 (2). P. 89–103.
79. Zittoun T., Gillespie A., Cornish F. Fragmentation or differentiation: Questioning the crisis in psychology // *Integrative Psychological & Behavioral Science.* 2009. Vol. 43 (2). P. 104–115.

CRISIS IN PSYCHOLOGY OR CRISIS OF RUSSIAN PSYCHOLOGISTS' IDENTITY?

A. M. Dvoinin

PhD, associate professor, psychology of education chair, Institute of Pedagogy and Psychology of Education, SFEE HPE MCPU, Moscow.

The author's view on problem of crisis in modern psychology is stated. Widespread among Russian psychologists appraisal of situation in world's psychology as a crisis is doubted. The objective of the study is to establish whether this appraisal is true to the fact or it expresses only anxieties of domestic psychological community. Based on analysis of differences in methodological debates about crisis, holding in domestic and foreign psychology, the author reveals the causes and factors of experiencing crisis by Russian psychologists from the socio-cultural and psychological positions. The conclusion that statement of crisis in psychological science is concealing the crisis of identity of Russian psychologists is drawn. The author considers that world psychology is not in intra-science crisis. Meanwhile, it is stated that psychology as a cultural activity of a certain scientific communities is involved into global cultural and civilizational processes that are characterized at present as crisis. It is hypothesized that junior generation of Russian scientists is less exposed to identity crisis's experiencing than the senior ones. The author considers intensional dialogue between junior and senior generations of domestic psychologists about methodological problems of psychology as an important condition for identity crisis overcoming.

Key words: crisis in psychology, crisis of identity, Russian psychologists, methodological discussion, domestic psychology, foreign psychology.